

тате была занята часть западнобалтийского массива и началось становление праславянского языка. Регион италийского суперстрата очертить очень трудно, но время его возникновения определяется более точно. Главное же заключается в том, что выделяется италийский лексический ингредиент праславянского языка (Мартынов В.В., 1978).

Постепенное, строго ретроспективное снятие германского и кельтского инфильтрационных слоев, иранского и италийского ингредиентных слоев обнаруживает под ними старый субстратный балтийский ингредиент, что является дополнительным подтверждением протобалтийского происхождения праславянского языка (концепция Лер-Сплавинского - Топорова), Мартынов В.В., 1973, 1977.

Таким образом, в нашем представлении, глоттогенез славян выглядел следующим образом. Сначала протобалтийский субстратный язык на его западном ареале подвергся воздействию суперстратного италийского, что привело к возникновению "протославянского" (XII в. до н.э., становление лужицкой культуры). Последний в свою очередь подвергся воздействию суперстратного иранского, что привело к возникновению "праславянского" языка (У в. до н.э., разрушение лужицкой культуры).

А.И. Непскупный (Киев)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ И ДОИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ЯТВЯГОВ

1. Основным источником по исторической географии ятвягов является их ономастикон XIII века - совокупность этнических и гео-

графических названий, а также личных имен, который уже много раз бывал объектом исследования со стороны представителей отдельных научных дисциплин этногенезологии. Никакой поиск новых материалов по реликтам языка ятвягов не может быть успешным без постоянного обращения к первоисточнику - к тому, так сказать, каноническому реестру имен и названий, который в исторических памятниках непосредственно связан с ятвягами.

Вместе с тем в ряде трудов, в той или иной мере касающихся ятвягов, наблюдается тенденция отождествлять различные географические названия и личные имена из упомянутого реестра лишь на том основании, что они близки между собой по звучанию.

Так, формы Болдикища и Ольдикища рассматриваются как варианты названия одного и того же села, Комать и Скомондь - как имена одного и того же князя, Кумедов и Рокима - как наименование одной и той же волости. В действительности же речь идет о различных названиях различных объектов, в пользу чего можно привести как лингвистические, так и экстралингвистические аргументы.

Сказанное убеждает в необходимости более тщательного изучения ятвяжского ономастикона. Особенно это касается тех населенных пунктов и волостей, которые находились на окраинах ятвяжских земель, как Болдикища или Рокима.

2. Предметом исторической географии ятвягов должен быть не только тот регион, на котором застали этот западнобалтийский этнос события XIII в., но и вся территория от Балтийского моря на севере до верховьев Днестра на юге, где после своего разгрома Орденом в 1283 г. продолжали жить ятвяги (разрозненные группы беженцев и переселенцев).

Первоочередным материалом для таких штудий являются целые серии географических названий, производных от ятвяжских этнонимов. Когда же такие наименования выступают поодиночке, то следует искать дополнительные аргументы. К последним относятся, в частности, возможные отражения ятвяжской антропонимии, которые (в идеальном варианте всегда) сопровождают соответствующую этнонимию. Так, если ойконимизированные Ятвяги во Львовской обл. УССР (три села; древнейшее упоминание под 1448 г.), не вызывая никаких сомнений в своем западнобалтийском происхождении, скорее сами подтверждают ятвяжский характер расположенного к западу от них деантропонимического названия села Comaticze (1447 г., окрестности Пшемысли Жешувского воеводства ПНР; ср. выше Комать), то в примере с названием мызы Suden (Süde), расположенной на севере Курземе, вблизи Дундаги Талсинского р-на ЛССР, наоборот, антропонимия подтверждает этнонимию: под 1582-1583 гг. в трех из четырех случаев имена жителей имеют параллели в западнобалтийской антропонимии, причем одно (Jedate) — в ятвяжской.

На территориях, которые непосредственно примыкали к ятвяжским землям XIII в. и куда поток спасающихся от крестоносцев был наиболее интенсивным, антропонимические следы ятвягов особенно заметны. В частности, к востоку от среднего течения Немана (территория Литовской ССР) встречаются такие фамилии, как Mandejko-wicz, Mirunowa и др. (XVII в.) с прямыми соответствиями в ятвяжском ономастиконе, а концентрация антропонимов искомого типа прослеживается даже в тех населенных пунктах, которые локализируются несколько восточнее окраины ареала ятвяжских реликтов в современной топонимии Литвы (см. карты Б.Савукинаса и А.Ванагаса).

3. Разыскания в области доисторической географии ятвягов должны опираться прежде всего на данные гидронимии. Помимо осторожного оперирования словообразовательным формантом "восточных ятвягов" (Буга К.) или "протоятвягов" (Антоневич Е.) — да с целью, если можно так выразиться, "экстенсивного" изучения общей территории этого этноса, необходимо продолжить и "интенсивное" исследование водных названий внутри уже наметившегося ареала. Например, необходимо указать на еще не обсуждавшийся гидроним Сасва — название левого притока Зельвы (Зельвянки) в бассейне Немана (окрестности с. Полонск Пружанского р-на Брестской обл. БССР). Наряду с западнобалтийской фонетикой (ср. лит. šašuola) в этой форме тот же суффикс, что и в гидрониме Зельва, отнесенном К.Бугой к ятвяжским. Итак, в дальнейшем следует учитывать еще один формант в гидронимии ятвягов.

Идя от современных языковых форм к исчезнувшим и реконструируя то, что не было засвидетельствовано письменными памятниками, можно выяснить очень многое в исторической и доисторической географии ятвягов, а вместе с тем и определить меру участия этого западнобалтийского этноса в этногенезе ряда балтийских и славянских народов.

Ю.В.Откупщиков (Ленинград)

БАЛТИЗМЫ В РУССКИХ ДИАЛЕКТАХ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА БАЛТОВ

1. Данные языка уже давно привлекаются историками, археологами и, естественно, лингвистами для решения вопросов, связанных со сложной проблемой этногенеза балтов.